

Екатерина Юкевич

...И БЫЛО ДЕТСТВО

Екатерина Юдкевич
...И было детство

Православное издательство "Сатись"

2010

Юдкевич Е.

...И было детство / Е. Юдкевич — Православное издательство
"Сатись", 2010

ISBN 978-5-7868-0012-9

В 60-70-х годах XX века Русская Православная Церковь претерпевала новое ужесточение гонений. В основу повести легли реальные события, но автор не ставила перед собой задачи полностью придерживаться исторических фактов. Вместе с героями мы попадаем в православную общину, переживающую особые испытания и скорби. Это повесть о мужестве, любви и вере, которым не страшны любые испытания. Книга написана по благословию духовника автора - священника Ярослава Родионова, служащего в Спасо-Парголовском соборе Санкт-Петербурга.

ISBN 978-5-7868-0012-9

© Юдкевич Е., 2010
© Православное издательство
"Сатись", 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Екатерина Юдкевич ...И было детство

*По благословению
Архиепископа Брюссельского и Бельгийского
СИМОНА*

Глава 1 Путешествие

Кораблик раскачивался на волнах, как запущенный неумелой детской рукой Ванька-встанька. Темные волны с ревом бросались на ветхое суденышко, швыряя в окна потоки воды. Когда же, ворча и перекликаясь, они скатывались обратно, была видна палуба, глянцевая и круглая, как бока упитанного тюленя. Люся плотно прижималась лбом к оконному стеклу, сиюсь разглядеть в черной бушующей стихии хотя бы какие-нибудь очертания берега. На мгновение ей захотелось даже обмануться, увидеть мираж, и тогда надежда в душе вспыхнула бы с новой силой. Но лампочка «летучая мышь» у трапа на капитанский мостик светила тускло, а когда волны ударяли ее, пропадала вовсе, и Люся с тревогой, жадно, ждала ее слабых лучей.

Стоял оглушительный грохот, по звучанию сравнимый разве что с обвалом в горах. Иногда ослепительные молнии, как раскаленные стрелы, шипя и крутясь волчком, ударяли в воду, и девочка вздрагивала всем своим крохотным тельцем, зажмуривала глаза, но не отрывалась от стекла. Ей казалось, что отвернись она хотя бы на миг, прекрати нести свою вахту – все погибнет. А «вахта» у Люси была недетская. На этом маленьком корабле каждый, по мере сил, старался делать все от него зависящее, чтобы берег когда-нибудь появился.

– Ты молись за всех нас, – сказала Люсе крестная. – Крепко молись, детская молитва многое может. Скрывать от тебя не буду, мы попали в большую беду, в воронку попали, компас сбился, приборы не работают, видимость нулевая, и когда утихнет шторм, неизвестно.

Затем она перекрестила девочку, крепко прижала ее к себе и добавила:

– Если не увидимся, родная, прости за все. Я люблю тебя.

Люся вцепилась в ее руку и громко заплакала, но крестная, разжав ее похолодевшие пальцы, проговорила глухо:

– Не реви, не время, лучше молись, чтобы Господь привел нас к острову.

Она резко оттолкнула племянницу и ушла. Ее работа была необходима в трюме, где скопилось полно воды, и женщины, ехавшие на корабле, пытались вычерпать ее.

Когда Люся осталась одна, сильный удар сотряс корабль, и девочка, не удержавшись на ногах, отлетела к стене пассажирского салона. Она съехала по стене на пол и прижалась к кожаному дивану. Ей вдруг так захотелось не вставать, не глядеть на страшное море, а забиться в уголок и сидеть тихо, как мышонок. «Чему быть, того не миновать», – вспомнились девочке слова соседки по коммуналке.

Люся закрыла глаза и стала вспоминать квартиру, в которой прожила последние три года. Она старалась думать только о хорошем, и ей вспомнился большой камин в их комнате, уютное старое кресло, на котором так любила сидеть крестная. Люся и родной сын крестной – Ваня – устраивались рядом на мягком коврик, и крестная усталым голосом рассказывала им какую-нибудь историю. Рассказы ее, в основном, были грустные, но к концу неизменно вмешивался Господь и спасал героев. Девочка всегда, с волнением и трепетом, ждала этой радостной минуты и благодарно прижималась к крестной. А Господь смотрел на нее «в четыре глаза» с двух больших икон на стене.

Крестная давно объяснила детям, что одна икона называется «Спас Нерукотворный», а вторая – «Казанская». «Спас» был понятен Люсе с самого начала, на то и «Спас», чтобы спасти, и «Нерукотворный» Он потому, что появляется там, где человеческие руки уже ничего не могут сделать. С «Казанской» поначалу отношения были сложнее, здесь Господь был совсем маленький, на руках у Божьей Матери. Видно было, что Мать очень любит Его. Но Люсю мать не любила, она это точно знала, а потому смотрела на икону недоверчиво и немного завидуя, но крестная, словно уловив состояние девочки, вдруг рассказала ей, что Божья Мать любит не только Своего Сына, а всех детей и всех людей на свете. Объяснила она также, что Божественный Младенец тоже всех любит, и что на «Спасе» Он взрослый, а здесь – маленький. Это успокоило девочку, она знала, что женщина может полюбить чужого ребенка, как своего. Ведь полюбила же ее крестная, а Ване часто доставалось от матери намного сильнее, чем ей, Люсе!

Ваня был четырьмя годами старше Люси, ему прошлой весной исполнилось десять лет, и теперь он вместе со взрослыми находился там, внизу, в страшном трюме, и замерзшими красными руками помогал вычерпывать воду. Люся вспомнила о брате, именно так она звала мальчика, и ей стало не по себе.

– Он там работает, помогает, а я... – вслух произнесла девочка. – Нет, не буду бояться, надо молитву читать.

Она сделала попытку встать, но корабль опять резко накренился, и девочку словно припечатало к стене.

– Вот и ладно, – опять вслух сказала Люся, обращаясь к Кому-то невидимому. – Ты сам видишь, мне не встать.

Она еще четко не осознавала, к Кому обращается, но почему-то чувствовала, что этот Кто-то слышит ее. Девочка закрыла глаза и попыталась снова представить себе дом: вот и полки с книгами, занавески на окне приоткрыты, виден старинный парк, по которому они с Ваней так любили гулять. Люся чувствует на своем лице лучи раннего весеннего солнышка, оно золотит кружевные ветки огромных деревьев, блестят окна старинного дворца, жарко горит купол дворцовой церкви, а над ним, в облаках, – маленький крест, как свечечка, горит. Люся засыпает, глядя на этот крест, но вдруг он начинает стремительно падать вниз, и это уже не крест, а Младенец, какой-то очень знакомый. Он словно летит с неба, прямо на нее! Люся вскрикивает, подставляет руки и просыпается.

Жгучий стыд охватывает девочку, ей становится даже жарко. Перед ее глазами все еще стоит Младенец, падающий с неба. «Это я виновата, – проносится в Люсиной головке. – Я – трусиха, что я теперь скажу крестной!» Она решительно встает и, держась за стенку, двигается к окну салона. Достигнув цели, девочка вцепляется руками в ручки-держатели возле окна.

– Господи, помилуй! – шепчут ее запекшиеся губы. – Прости меня, помоги капитану дяде Жене, и крестной, и Ванечке, и матросу Сашке, и Артемьичу старому, и Ивашиным всем, и остальным, добраться до острова.

Люся отрывает одну руку от держателя и три раза крестит море.

– Боженька! – вдруг восклицает она. – Ты же не хочешь, чтобы мы все погибли, Ты всегда спасаешь погибающих, так крестная говорит, а она никогда не обманывает, Ты нас спасешь обязательно, я знаю!

Девочка мучительно всматривается вдаль, нет, не видно берега.

– Помоги, – просит она, – я больше не буду бояться. А хочешь, я докажу Тебе это и выйду на палубу, хочешь?

Люся прислушивается, и в шуме моря, ей кажется, она различает слова: «Докажи свою веру, докажи». Переставляя руки с одного держателя на другой, Люся двигается вдоль окон салона к выходу на палубу. Корабль, как игрушку, волны бросают с борта на борт, и кажется, что он вот-вот перевернется, но девочка уже не замечает этого. Добравшись до двери, она поворачивает металлический замочек, а потом опускает ручку вниз и толкает дверь. Волна мгновенно сшибает ее с ног, и девочке кажется, что она летит в морскую бездну, не понимая, на корабле она или уже за бортом.

– Господи! – изо всех сил, захлебываясь, кричит Люся. – Где Ты? Помоги!

Капитан, стоящий на мостике, вдруг отчетливо разглядел девочку, брошенную волной к дверям рубки. Он открыл дверь и, ухватив Люсю за воротник пальтишка, втащил ее внутрь. Девочка была без чувств. Капитан не имел возможности разбираться, он только еще больше насупился и кивком головы указал матросу на Люсю. Но Сашке и не требовалось указаний, он уже перенес свою любимицу на диванчик, расстегнул мокрую одежду и приник ухом к ее груди. Девочка дышала ровно, будто спала, и тогда матрос снял свою куртку, а затем, подумав, и форменку, стащил со спящей мокрое пальто и закутал ее в свою одежду. Больше он ничего не мог сделать, оставалось вернуться к штурвалу. Вдруг он увидел, что за огромной волной, далеко на горизонте, показалась темная полоса! Сашка закрыл глаза и потряс головой, но когда он вновь посмотрел в даль, полоса стала еще отчетливее.

– Товарищ капитан, разрешите обратиться, – бодро проговорил матрос и вдруг засмеялся.

Капитан, занятый приборами, зло покосился на Сашку:

– Что это тебе хихикать захотелось?! Что надо?

Капитан Евгений Павлович не хотел идти в этот рейс. Напрасно он кричал в кабинете начальника порта и стучал кулаком по столу, доказывая, что по всем метеосводкам на Ладоге надвигается шторм и что на старом кораблике он вряд ли сумеет доставить людей на остров без приключений. Все словно онемели, его не слушали и о чем-то шептались за спиной. И было в этом шепоте что-то такое, что капитан вдруг почувствовал: кто-то сознательно толкает его корабль в беду.

Оставшиеся сутки он изо всех сил гнал от себя эти мысли, но ужасные погодные условия и уже завершенная навигация вновь возвращали его к невеселым размышлениям.

Придя вечером 10 ноября на причал, он ожидал увидеть несчастных солдатиков, которых перевозят на учения. Он почему-то так и решил про себя и очень жалел этих незнакомых ребят, но его взгляду представилась совсем другая картина. На берегу теснились друг к другу люди с небольшими детьми, меньше мужчин, больше женщин и детей. Всего Евгений Павлович насчитал их двадцать, у одной из женщин на руках был грудной ребенок. Рядом с путешественниками суетился невзрачный мужичонка с портфелем, каких капитан привык звать про себя «кабинетная вошь». Ясно было, что он не едет. Подойдя к Евгению

Павловичу, он вонзил в него свои глазки-буравчики и произнес хрипло:

– Доставишь на остров – и сразу назад, в разговоры не вступаешь, не советую.

Затем, наклонившись к самому уху капитана, прошелестел:

– Народец поганенький, понял?

Евгений Павлович ничего не понял, а потому решил уточнить:

– Забирать-то их когда?

Человечек вдруг весь затрясся от хохота:

– Они там и зазимуют, на зимовку едут, на остров!

Тут капитану стало не по себе:

– Там ведь жить негде, – проговорил он, но, оглянувшись, увидел, что мужичонки нигде нет, а его пассажиры уже проходят на корабль.

Всю дорогу, пока не начало сильно штормить, Евгений Павлович размышлял, кто же они, эти люди, пустившиеся с малыми детьми в столь опасное путешествие, да так ничего и не придумал. Но когда на корабле отказали все приборы, в минуту высшего душевного напряжения капитан понял, что это не его, а этих людей хотели погубить, вместе с малыми детьми погубить, а на него просто наплевали. С этой минуты он был готов умереть, но доставить людей на остров, и когда Люську, словно на крыльях, вынесло к дверям рубки, когда капитан увидел, что девочка цела, он, давно забывший о церкви, бывавший там только в детстве, незаметно перекрестился.

– Если Ты есть, помоги, – прошептал он и добавил: – Больно деток жалко.

– Товарищ капитан! – надрывался ему в самое ухо Сашка. – Товарищ капитан! Что с вами? Земля! Берег! Земля!

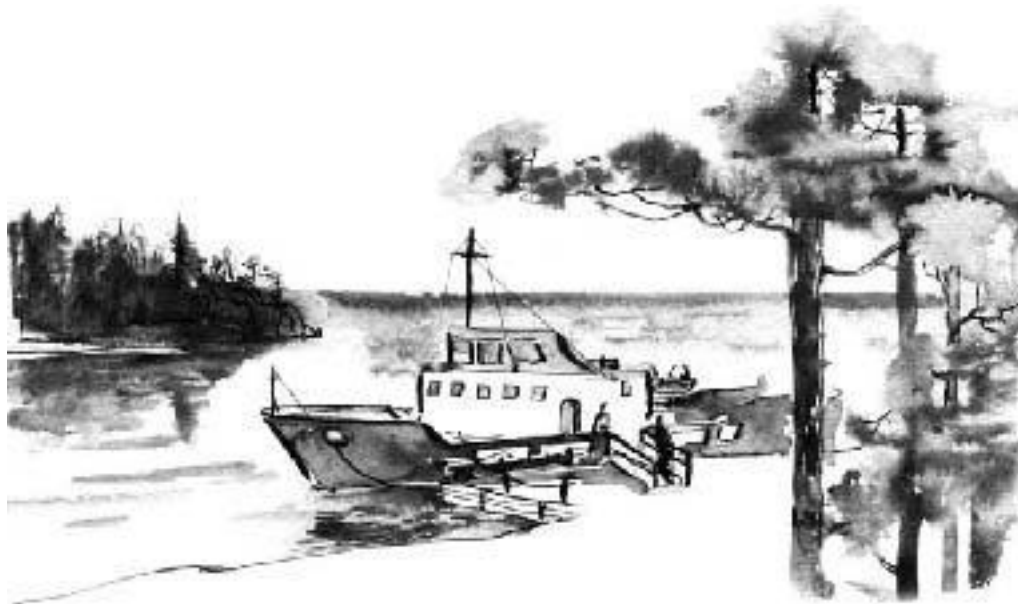
А Люська видела, как ухватила ее гигантская волна и понесла куда-то, но вдруг среди волн возникла светящаяся фигура. Она приближалась с каждой минутой, словно шагала по морю в сапогах-скороходах, вот человек протянул руки и отнял девочку у волны.

– Это Ты! – восхищенно проговорила Люся, вглядываясь в знакомое лицо. – Ты все-таки пришел, какой же Ты красивый!

Больше она ничего не помнила.

Глава 2 Остров

Не помнила Люся и как прижимала ее к себе плачущая крестная, как с тревогой вглядывался в ее лицо не по-детски серьезный Ваня, не слышала, как, прощаясь со всеми, суетился вокруг нее радостный Сашка. Девочка действительно крепко спала. Фельдшер из дома инвалидов, буквально примчавшийся на пристань на своей серой лошадке, подтвердил факт сна. Он также сделал заключение, что, вероятно, усталость и сильное нервное напряжение последних двух суток, а еще и удар, полученный при падении, вызвали работу никому не ведомых защитных сил, которые включаются в организме человека, когда все остальное израсходовано.

Люсю решено было пока не будить, ее бережно перенесли на подводку и уложили, укутав со всех сторон. Если бы девочка все же могла обернуться, она бы увидела одиноко стоящего на причале капитана корабля «Тургенев»; воспаленными, красными глазами он смотрел вслед удаляющимся подводкам, и взгляд его выражал не то недоумение, не то тоску.

Расхлябанная, топкая дорога вилась нечеткой лентой, уходила вдаль, в вековой молчаливый лес. Суровые скалистые берега были покрыты легким снегом, корни сосен торчали из них, как крючковатые пальцы огромных великанов. Безмолвным, таинственным и страшным показался капитану остров. Четырнадцатилетним юнгой пройдя Великую Отечественную, получив медаль за храбрость при спасении товарищей и ценных документов с горящего корабля, Евгений Павлович уже ничего не пугался. В ту пору он, верткий и юркий мальчишка, шесть раз возвращался на корабль, вытаскивая на берег раненых. Но сейчас, глядя на уменьшающиеся с каждой минутой фигурки людей, он вдруг ощутил всю их беззащитность и внутренне содрогнулся.

Подводки все дальше и дальше двигались вглубь острова. Утомленные тяжелой дорогой люди молча шагали рядом, стараясь в городской неподходящей обуви окончательно не завязнуть в грязи. Почти на всех одежда была если не мокрой, то влажной, и путники невольно поживались, стараясь сберечь как можно дольше остатки тепла. Подвод было три, а потому решили посадить на них библиотекаря Надю с грудной Аглаей и всех детей, а оставшееся место занять вещами.

Константин Казимиров – молодой, светловолосый студент-учитель – шагал бодро, казалось, ему ничего не стоит отмахать не двенадцать километров, а во много раз больше. Он бодро

насвистывал какую-то легкую мелодию и, оглядываясь по сторонам, радостно улыбался белозубым ртом. Иногда он догонял то одного, то другого путешественника, обнимал за плечи и, щуря близорукие глаза, радостно восклицал:

– Посмотрите, Татьяна Михайловна, красота-то какая! Вот уж действительно – мир Божий! Недаром этот остров святые когда-то выбрали, ох и заживем мы здесь!

В ответ на грустный взгляд спутника или спутницы, он нетерпеливо передергивал плечами и голосом, не оставляющим возможности возражать, добавлял:

– А я вам говорю, заживем! Вот увидите. Это же в наше время, если хотите, чудо – в монастыре пожить, – и твердо шагал дальше.

А дорога вела и вела, казалось, нет ей конца и края, и Татьяне вдруг почудилось, что именно по таким дорогам, на протяжении всей многовековой истории Руси, ходили странники, разнося по городам и весям слово Божье, нередко с собственным вымыслом и прибавками. Вдруг стало жаль ей этих странников и всю, до боли родную страдалицу-Россию, захотелось обнять и расцеловать каждую пядь земли, каждую травинку, веточку. От этих мыслей посветлело у Татьяны на душе, и она поторопилась, чтобы догнать подводу, на которой ехали Люся и Ваня.

Прошедшие две недели: вызовы в Большой дом, таинственное исчезновение друзей, косые взгляды сослуживцев, постоянный шепот за спиной и, наконец, просьба «компетентных товарищей», якобы, для ее же блага и блага детей, покинуть город Пушкин; просьба, больше похожая на приказ, поспешные сборы, а потом и само путешествие, в котором чуть не погибла ее девочка, – все это вдруг показалось Татьяне каким-то ирреальным, вычитанным в книге, бывшим не с ней. Она так долго ходила по «острию ножа», так долго боялась за детей, боялась, и, вместе с тем, не могла поступать по-другому, потому что то, другое, было для нее равносильно смерти, другое звучало просто и ясно – отказаться от Христа.

Она не раз читала о подобном выборе по ночам, на серых листках с подслеповатой печатью. У нее в доме их порой скапливалось много. Самиздатовскую «опасную» литературу приносили и уносили друзья, которые за последние годы подобрались у нее по определенным принципам – вера в Бога, преклонение перед расстрелянной Царской Семьей, помощь попавшим в беду верующим. А вокруг кипел и бурлил совершенно другой мир, в котором само слово «вера» произнести было невозможно. Получалось, что Татьяна жила как бы двойной жизнью. Она работала в музее экскурсоводом и,водя туристов по Екатерининскому дворцу Царского Села, постоянно боялась проговориться. Отчасти специфика работы спасала ее, ей редко приходилось контактировать с сослуживцами, но на обязательных собраниях и планерках, когда от них, искусствоведов, требовали внушать слушателям фальсифицированную историю, Татьяна еле сдерживалась. Ей было двадцать девять лет, и пылкая вера в справедливость еще не покинула ее душу. Если бы не жесткий запрет отца Николая, не ответственность за детей, Татьяна, наверное, давно бы выступила на каком-нибудь собрании и попыталась разъяснить всем присутствующим их заблуждения – ей хотелось действовать.

Ночами она перепечатывала эту самую запрещенную литературу, корректировала рукописи и, выйдя на лестницу, поджидала «разносчиков». Порой в ее большой комнате, в ведомственной коммуналке, собиралось по 20–30 человек, курили, приносили и пили крепкий кофе, спорили о политике. Постепенно она стала замечать, что с ее появлением на кухне стихают разговоры, что сослуживцы как-то странно здороваются, но не придавала этому значения.

Раз в неделю вместе с детьми Татьяна бывала у отца Николая – тайного священника, жившего неподалеку. Там все приходившие горячо молились вместе с батюшкой об освобождении России от антихристовой власти, о восстановлении самодержавия. Татьяна очень любила эти молитвы, они давали ей силы жить, и когда у Люськи неожиданно поднялась высокая температура, жалела, что не смогла пойти на встречу. Если бы в тот момент ей кто-то сказал, что с

этого дня все изменится, что очередная Люськина болезнь – великое благо для их маленькой семьи, Татьяна, наверное, не поверила бы.

Как много времени минуло с тех пор, казалось – целая жизнь. За эту «жизнь» Татьяна поняла, как была глупа и наивна. Теперь, шагая по мокрой грунтовой дороге, она ощущала какую-то сонную усталость и, вместе с тем, полный покой.

Лошаденки были старые, выходившие за свой век сотни верст, а потому подводы мотало по скользкой дороге из стороны в сторону. Раскачивало и трясло нехитрую поклажу, раскачивалось небо над головой у Нади, и мирно спала Аглая, прижавшись к матери.

За Игоря Сергеевича Надя вышла замуж как-то скоропалительно, что было совершенно несвойственно ее уравновешенному и спокойному характеру.

На филфаке Игорь Сергеевич читал русскую литературу – самый любимый Надин предмет. Она сидела на его лекциях, боясь шелохнуться, нечаянно пропустить слово. В ту пору, если бы кто-то вдруг сказал Наде, что она станет женой этого, уже немолодого, сидящего профессора, Надя бы только посмеялась. Он старше ее на целых двадцать пять лет, а уж насколько умнее и талантливее – даже говорить страшно!

Когда Игорь Сергеевич организовал литературный семинар и пригласил на него Надину подругу Вику, Надя долго плакала в подушку. Семинар проходил у него дома, за закрытыми дверями, и мысли о том, чтобы попроситься, у Нади даже не возникало. Помог случай.

Вика должна была вернуть профессору книгу, но накануне ее пригласил на свидание очередной военный. Ох, и любила Вика людей в погонах! До того любила, что, не задумываясь, променяла занятия у Игоря Сергеевича на свидание, как потом променяла и дружбу с Надей, и многое другое, о чем и думать не хотелось. Но это случилось позже, а пока Вика беззаботно вручила соседке по общежитию профессорскую книгу, сказав напоследок, что ничего скучнее она никогда не читала, и прочла-то всего пару страниц.

– Как же я пойду? – удивилась Надя. – Меня там никто не ждет. Что я скажу?

– Ерунда! – отрезала всякие возражения Вика. – Им книга сегодня нужна? – Нужна! Значит, потерпят. Скажи, что я заболела или предки ко мне приехали, придумай что-нибудь!

– Ты бы занесла, это же минута, – неуверенно протянула Надя. – Неудобно, все же, в чужой дом...

– Да ты у нас какая-то ненормальная, Надюха! Кто теперь на это обращает внимание! Знаешь, сколько у него там народу собирается, и нашего и ненашего? Все такие солидные! – Вика смешно выпятила нижнюю губку. – Спорят о чем-то, говорят... и так целыми вечерами, скука смертная! Я давно бы ходить перестала, но там парнишка один из Кораблестроительного – очень даже ничего! Я только из-за него ходила, пока лучшего не подвернулось, а сейчас он мне не нужен. Больно умный, и на меня совсем не смотрит.

Когда Вика ушла, Надя решила посмотреть книгу. Книга была старинная, с ятями, таких Надя никогда не видела. Постепенно она стала понимать текст, и он настолько захватил ее, что девушка не заметила, как минуло время идти к профессору. В книге были написаны такие вещи, от которых мурашки забегали у Нади по телу. Вроде бы это была русская история, но совершенно не такая, какой ее преподавали в школе и в университете, тут все было словно наоборот. Автор называл декабристов бунтовщиками и преступниками, первыми посягнувшими на Великое Самодержавие – так и было написано в книге. Надя поняла, что читает запрещенную книгу, но не испугалась, а обрадовалась. Наконец-то нашлось подтверждение всем ее тайным мыслям! Не может кровь литься там, где дело правое, ничто не оправдывает убийства невинных. Надя и на исторический потому не пошла, что ее все время смущали эти противоречия. Школьная история оправдывала убийц, делала их героями, выходило, что убивать можно. Когда читать стало совсем темно, Надя оторвалась от книги и поняла, что опоздала.

На звонок открыл сам Игорь Сергеевич и очень удивился, увидев заплаканную Надю. Он смутно помнил эту девушку, она всегда сидела на его лекциях в первом ряду, но разглядел ее впервые, и до боли родной и близкой показалась она ему. А Надя уже протягивала профессору книгу, лепетала что-то невнятное, а он все смотрел на нее и не мог наглядеться.

Осенью Игорю Сергеевичу минуло сорок пять, а за год до этого он овдовел. Единственный близкий на этой земле человек – горячо любимая жена Шурочка – погибла в автомобильной катастрофе, и он остался один. Иногда Игорь Сергеевич заходил в церковь на Крюковом канале и подолгу простаивал там перед Распятьем. На душе становилось теплее, можно было жить дальше. Постепенно его затянули церковные службы, восхищала их величественность и напевность. Он робел перед священниками, но однажды, пересилив себя, подошел под благословение. Батюшка понравился Игорю Сергеевичу, и они разговорились.

Этот батюшка и познакомил профессора с отцом Николаем.

Через неделю после первой встречи Игорь Сергеевич сделал Наде предложение.

Аглая смешно вздыхала во сне, а Надя глядела вперед, в спину бодро шагающему мужу и думала, что вот ведь и представить она себе не могла, как повернется ее жизнь. Воистину пути Господни неисповедимы! Еще думала Надя о том, что этот остров только с виду такой холодный, что вместе они все выдержат и что Господь не оставит их.

– Господи, помоги дойти хоть куда-нибудь, сил больше нет никаких, в голове звон стоит, – прошептала Алина, и тут же сама постыдилась своей слабости.

«В шторм вот ничего не боялась, и когда уезжали, и в кабинетах этих негодяев не трусила, а тут увидела пустынный остров, просторы бескрайние, скалы – вроде радоваться надо, а такая оторопь взяла! – пронеслось у нее в голове. – Слабая я, не выдержу, а назад пути нет, все дороги отрезаны!.. А Сашенька как здесь, в глуши? Она кино любит... и театры разные... Господи, помоги!»

Балет Алина никогда не ощущала как тяжелую, изнуряющую работу. Она жила им, ей танцевать было – как дышать, в каждое движение она вкладывала свою душу, каждый жест выражал глубокую эмоцию. Алина закончила Вагановское на «отлично», подавала большие надежды, ее пригласили в Кировский театр, но тут она, неожиданно для всех, родила Сашу. Большая часть беременности попала на летне-осенние гастроли театра, и Алине длительное время удавалось скрывать будущего ребенка. Когда узнали, в театре разразился скандал (ах, на нее строили такие планы!), но было уже поздно. Сам великий маэстро сказал Алине, что она предала балет, и, картинно закинув голову, попросил написать «по собственному». Из общезжития театра ее тут же выселили, и на восьмом месяце Алина осталась без жилья и средств к существованию. Ехать домой, в Архангельск, она испугалась, зная, что ни мать, ни отчим не обрадуются ее возвращению. Некоторое время она скиталась по подругам, но быстро почувствовала, что всем в тягость. Она умела только танцевать, но на данном этапе это умение не могло прокормить ее и будущего ребенка.

Соседка одной из подруг посоветовала Алине наняться в Лаврский храм уборщицей и обещала помочь. Так, девятнадцати лет от роду, Алина впервые переступила порог храма. На работу ее, как ни странно, приняли. Сначала Алину все в храме пугало, но работать она старалась исправно. Местные бабушки опекали ее, как могли, в храме можно было поесть, просто тихо посидеть в тепле после работы.

Вскоре батюшка обратил внимание, что Алина приходит рано, а уходит из храма всегда последней. В таком положении женщины стараются больше отдыхать, да и вообще им полагаются декретные отпуска. Старенькому батюшке стало от души жаль эту грациозную голубоглазую девчушку, и он заинтересовался ее судьбой. В информации недостатка не было: ему

рассказали, что девушка – балерина, крещеная, но в церковь никогда не ходила, что ждет она ребенка без мужа и не имеет ни жилья, ни работы. Батюшка стал наблюдать за Алиной, и после некоторых раздумий, благословил семидесятилетнюю Аннушку, доживавшую свой век в одиночестве, взять Алину к себе на житье и сделать ей прописку как родственнице. Соседям батюшка наказал говорить, что вот, мол, приехала внучатая племянница из Архангельска и будет теперь жить постоянно. Аннушка и прежде зазывала Алину к себе ночевать, и батюшкино благословение обрадовало ее простую и незлобивую душу. Поначалу возникли сложности с пропиской, но у батюшки среди тайных прихожан числились люди отнюдь не маленькие, и дело устроилось. Для Алины началась новая жизнь, рядышком с Александро-Невской Лаврой.

До рождения Саши Алина успела облазать весь Некрополь и два раза причаститься. В ту пору она жила, если можно так сказать, затаив дыхание, и ей казалось, что сбывается какой-то старый, давно забытый сон. После рождения Саши Алина хотела вновь выйти на работу в храм, но неожиданно умер батюшка, а староста отказал ей в устройстве.

Поплакав, посоветовавшись с новыми друзьями, Алина поступила на работу в варьете гостиницы «Ленинград». Танец вновь увлек ее, к тому же, платили даже лучше, чем в театре, и Алина не только могла обеспечивать себя и Сашеньку, но и поддерживать Аннушку. Желание помогать, быть нужной в храме, хоть чем-то отплатить за добро постоянно волновало Алину душу. Она была человеком романтическим, творческим, обретенная вера наполняла все ее существование удивительным покоем и радостью, и ей становилось жаль людей, далеких от Бога. Она прочла много запрещенных книг и мечтала встретить человека, который бы смог поставить перед ней цель, повести за собой. Этим человеком стал для нее отец Николай.

На подводе дети устроили возню, и Алина грубо прикрикнула на Сашу. Девочка заплакала, а Ваня посмотрел на Алину с укором, по-взрослому. От этого, казалось бы, пустого происшествия, на душе у Алины стало еще мрачнее. «Если бы рядом был отец Николай, он развеял бы все страхи, но где он сейчас, жив ли...» – стучало у Алины в голове, и ей казалось, что лошади выстукивают по дороге все тот же вопрос.

– Да, где сейчас наш отец Николай, одному Богу ведомо... – и Борис Петрович широко перекрестился. Он пробовал молиться, но разные беспокойные мысли лезли в голову, мешали, отвлекали.

Многие годы Борис Петрович мечтал организовать себе пленэр в каком-нибудь заброшенном северном монастыре, пописать вволю, чтобы ничто не отвлекало. Мечтал пожить уединенно, на природе, пропитаться ее духом, чтобы этот дух потом дал ему силы творить, наполнил его работы. И вот сбылось! Казалось бы, радоваться надо, а радости нет, и в душе пустота до самой глубины. Не раз говорил он себе: «Пора завязывать с этими встречами. Толку от них все равно никакого, а риска много». Ведь просил, умолял и Таньку эту – дурочку, и Игоря, и Костю, чтобы не кидали в ящики своих дурацких стишков. Кому нужны их стишки? Люди ничего не знают и знать не хотят, им бы жить в сытости, а все остальное кого волнует?! Власть крепка, ее ничем не свернешь, а вот шею себе свернуть можно!

А как хорошо все начиналось – молились тихо и расходились по домам, может, никто и не узнал бы! Эх! Не послушались! Он видел, как батюшку брали, видел, как Арсений побежал, как выстрелили в него, сам-то он надежно спрятался, не нашли. Ну, хоть это сумел! И никому он об этом не расскажет, это его тайна. Борис Петрович старался гнать от себя мысль, почему именно ему не хотелось рассказывать. Он знал, что струсил тогда, и на допросе тоже струсил. А что он мог? Эти все молодые, бедовые, они, понятно, о будущем не задумываются, а у него Катерина на сносях, Витька такие надежды подает... Подавал... надежды... Все это в прошлом, что теперь – неизвестно! Говорил Катерине, могла успеть с Витькой в Вятку уехать!

Не послушалась, думает – романтика, загородная прогулка, не представляет, чем может все это обернуться!

Ничего Борис Петрович и сам не знал, но была у него одна смутная надежда, что их семью минет участь всех остальных. Об этой надежде думать не хотелось, но она вновь и вновь поднималась из потаенных глубин души, жгла где-то в горле, мешала жить. Стоило ему не контролировать себя, дать мыслям спокойно течь в своем русле, как перед глазами возникала решетка на окне, горшок с геранью рядом с нею на подоконнике. К окну подходит человек в коричневом штатском костюме и из голубой детской пластмассовой лейки поливает эту герань. Затем он долго смотрит в окно, так долго, что у Бориса Петровича начинает стучать в висках, а человек неспешно разворачивается на каблуках (походка у него легкая, грациозная, похоже, что ему особое удовольствие доставляет вот так расхаживать по кабинету) и идет к столу. Он выдвигает ящик, достает оттуда листок бумаги с каким-то текстом и протягивает его Борису Петровичу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.